
ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ США

Г.Ю. Филимонов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

История внутренней культурной политики США оказала прямое воздействие на формирование национального менталитета и специфики внутрисоциальных отношений в современных Соединенных Штатах, продолжая оформлять отдельные черты внутренней и внешней политики. Внутренние культурные предпосылки определяют содержание ценностей, транслируемых вовне.

Ключевые слова: США, история, культурная политика, американская культура, национальная идентичность.

Культурная политика американского правительства на ранних этапах была достаточно сложной и разноплановой, но в одном она была практически всегда одинаково последовательной — в подавлении культурного разнообразия. Как ни парадоксально это звучит, но известное своей мультикультурной спецификой современное американское общество прошло на пути своего исторического формирования ряд неоднозначных этапов, первым из которых стало уничтожение коренного населения и создание резерваций для выживших.

Хотя между местными племенами индейцев и поселенцами из Старого Света встречались частные случаи дружественных контактов, но это было далеко не определяющей тенденцией в их взаимоотношениях. В американской истории достаточно печальных свидетельств репрессивных акций по отношению к коренному населению, которые еще больше провоцировались вспышками эпидемий неизвестных европейцам заболеваний, порождаемых контактами с индейским населением. Было осуществлено немало попыток насаждения автохтонному населению европейской культурно-цивилизационной модели, будь то под угрозой смерти, либо, уже позже, путем организации специальных государственных школ.

Как пишет С. Хантингтон, «в первые десятилетия вслед за основанием поселений в Плимуте и Массачусетс-Бэй (1620 и 1630 гг.) отношения колонистов с индейцами были в основном дружескими. В середине семнадцатого столетия начался даже «золотой век взаимного процветания» для индейских племен и английских колонистов. Крепла торговля, частым явлением становились смешанные браки. Однако уже в 1660-х годах торговля заметно сократилась, а притязания колонистов на индейские земли вылились в войну короля Филиппа (1675—1676). Это была едва ли не кровопролитнейшая из войн в американской истории: уровень потерь среди колонистов почти вдвое превысил потери в Гражданской войне и в семь раз — потери во Второй мировой» [4. С. 95].

«В 1830-х годах президент Эндрю Джексон убедил конгресс принять закон об устранении индейцев; по этому закону важнейшие племена шести южных штатов были принудительно выселены к западу от Миссисипи, что привело ко Вто-

рой войне семинолов (1835—1843). Сегодня этот закон называли бы «этнической чисткой» [4. С. 96].

Политика американского правительства того времени в этом направлении практически привела к уничтожению и консервации культур коренных народов Северной Америки, что нашло отражение в проблематичном статусе индейского населения в сегодняшних США.

«На территории будущих США в 1700 г. жило до полутора миллионов индейцев. К 1900 году их осталось порядка 100 тыс. человек, но с самых плодородных и богатых земель их вытеснили. В США в XIX веке «открыли» еще один «естественный» способ «освобождения» земли от дикарей: индейцы не имели иммунитета против многих европейских болезней» [2. С. 103]. В результате индейцев специально заражали, эпидемии уносили тысячи жизней, а их земли доставались европейским поселенцам.

На данном историческом фоне вопрос об ответственности общества за урон, нанесенный коренным американским культурам, воспринимался с большой неприязнью. Со стороны общественности было приложено слишком мало усилий для поддержки, сохранения и восстановления культурных традиций коренного населения. Основной инициативой правительства в этом направлении стало создание специальных резерваций, а главной альтернативной тенденцией правительства — стремление насильственно ассимилировать индейцев с доминирующей культурой.

Так или иначе, американские индейцы на протяжении долгого исторического периода продолжали и продолжают борьбу за сохранение своей уникальной культуры. Во второй половине XX в. наметились ощутимые сдвиги в государственной политике по отношению к коренному индейскому населению и, в частности, к его культуре. Сами активисты из числа потомков коренного населения внесли большой вклад в дело восстановления своих культурных традиций. На сегодняшний день, во многом благодаря патриотической идеологии государства, деятельности профильных общественных организаций, а также в большой степени литературе и кинематографу, индейцы, как это ни парадоксально, стали одним из американских символов и неотъемлемой частью культуры США.

Чтобы лучше представить социальную основу формирования американского государства и его культуры, представляется целесообразным дать краткую характеристику составу американского общества времен ранних поселений.

Так, например, В.В. Согрин пишет: «Освоение Нового Света являлось делом частных лиц и групп, получивших соответствующие разрешения от монарха Англии. Различия в социальном облике этих групп и лиц предопределили различие тенденций колонизации. Грубо говоря, изначально среди тех, кто осваивал Америку, выделились три главные группы: акционерные компании буржуазного типа, устремлявшиеся за океан в поисках рынков, прибылей, источников сырья; протестанты, надеявшиеся воплотить на новой родине свои религиозные и этические принципы; аристократы, помышлявшие об обширных феодальных владениях» [3. С. 8]. Кроме этого, на освоение новых земель в поисках лучшей жизни отправлялись крестьяне (преимущественно английские, ирландские и шотландские), потерявшие землю в результате «огораживания», ремесленники, лишившиеся ра-

боты вследствие развития мануфактурного производства, а также преступники, лица, вышедшие из мест лишения свободы, различные деклассированные элементы, которых ссылали туда, а также просто искатели приключений, богатства и свободы (в смысле свободы действий и мысли).

До первых больших волн иммиграции XIX в. основное белое население молодой американской нации составляли в основном английские протестанты. Их взгляды были пропитаны идеями эпохи Просвещения. Ценности Просвещения, в интерпретации первых американских политических философов, делали основной акцент на защите личных свобод и сохранении независимости от потенциальной тирании со стороны государственной власти. Несмотря на то что такие культурные аспекты американской общественно-политической жизни, как образование, избирательное право и рабство, были предметами горячих общественных дискуссий, правительство заняло позицию невмешательства, которая автоматически благоприятствовала наиболее могущественным.

Противовесом такой американской культурной ценности, как личная свобода, на протяжении всей истории США являлась противоположная традиция — общинные ценности. Возведение жилищ, взаимопомощь во время урожая или пред лицом наводнений и иных стихийных бедствий, недоверие далеким от народа политическим лидерам — все это стало частью культурного наследия, которое также имеется в виду при употреблении термина «американская культура».

Власть в США принадлежала белым, но на формирование американской культуры серьезное влияние оказало чернокожее население, которое тогда составляли рабы, завезенные из Африки. Особенно ярко афроамериканский этнокультурный фактор начал проявляться в XX в. Во многом благодаря развитию музыкальных направлений к рубежу XX—XXI вв. он превратился практически в международную масскультурную доминанту.

В 1619 г. в Вильямсбург (штат Вирджиния) из Африки прибыл первый корабль с рабами (за год до того как к берегам восточного побережья США в Плимут Рок подошел корабль «Мэйфлауэр», на борту которого находились пуритане-пилигримы, почитаемые сегодня в Америке в качестве основателей американской демократии и национального суверенитета).

Основные исторические причины ввоза европейскими колонизаторами рабов из Африки на территорию Америки (Северной, Центральной, Южной) заключались в малой пригодности автохтонного индейского населения этих континентов для «практических» нужд белых колонизаторов [2. С. 96]. Захват индейцев в рабство был делом опасным, а экономический эффект от их работы на плантациях, где они тысячами умирали, был крайне невысоким. В результате «эксплуатировать их практичные европейцы считали невыгодным» [2] и начали ввозить чернокожих рабов из Африки, которые были выносливы и трудолюбивы. За XVII—XVIII в. из Африки вывезли примерно 15 млн рабов, 10 млн из них — мужчины (готовые работники). При этом, по данным ученых, на упомянутые 15 миллионов приходится не менее 5 миллионов умерших в пути [2. С. 97].

«В Африке шла полномасштабная охота на рабов. Европейцы подкупали вождей, чтобы они продавали своих подданных или устраивали войны, захватывая

подданных своих соседей» [2. С. 98]. Не секрет, что этот «бизнес» приносил серьезную прибыль вовлеченным в него «предпринимателям» и имел колоссальный капиталоборот.

Только в XIX в. стал активно обсуждаться вопрос о запрете работорговли, инициатором которого выступила Россия на Венском конгрессе 1815 г. (Декларация о запрете торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса). Хотя окончательная отмена этого ремесла была оформлена только в 1890 г., когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии и Африке [2. С. 99—100]. При этом стоит отметить, что русские едва ли имели четкое представление о данном явлении, формировавшемся в основном по впечатлениям путешественников, и уж тем более вряд ли предполагающим возможность аналогии с крепостным правом, как по форме, так и по содержанию.

Расистские настроения в США заметно усилились в XVIII в., когда вся экономика и социальная структура Юга оказалась в зависимости от использования рабского труда и работорговли. Первый статут о натурализации от 1790 г. открывал доступ к американскому гражданству лишь «свободным белым людям». В ту пору чернокожие, преимущественно рабы, составляли около 20% населения США. Отношение к ним американского общества в тот период хорошо демонстрирует высказывание первого генерального прокурора США Э. Рэндольфа о том, что рабы не являются «надлежащими членами (американского) общества» [4. С. 97].

Томас Джефферсон, как и другие отцы-основатели — Джеймс Мэдисон, Генри Клэй, Джон Рэндольф, поддерживали усилия Американского общества колонистов по организации возвращения свободных чернокожих в Африку (эти усилия привели к созданию в 1821 г. государства Либерии, куда постепенно переправили от одиннадцати до пятнадцати тысяч чернокожих).

Вопрос о рабстве стал предметом горячих дебатов на каждой ступени истории североамериканского государства в течение достаточно длительного исторического периода. В начале XIX в. идея расовой принадлежности занимала центральное место в научном, интеллектуальном и народном мышлении как в Европе, так и в Америке. К середине этого столетия «неотъемлемое неравенство рас признавалось в Америке за научно доказанный факт» [4. С. 98]. Американцы также выработали убеждение, что неравенство рас заложено в человеческой природе, а не определяется условиями жизни.

Как известно, обсуждение вопроса о рабстве в американском обществе вылилось в конфликт Севера и Юга, приобретший характер антагонизма двух разнородных общественно-политических систем, который завершился Гражданской войной (1861—1865 гг.). Рабовладельцам срочно понадобилось создать религиозные, моральные, научные и политические оправдания рабства. Эта «философия» выжила после Гражданской войны и еще долго процветала, дожив на официальном уровне до XX в.

Согласие белого большинства по этому вопросу сохранялось еще определенный период после войны Севера и Юга. Когда более крупные и разношерстные группы иммигрантов начали прибывать на территорию Соединенных Штатов, те, кто считали себя «истинными американцами», серьезно встревожились. Страх

перед зарубежными веяниями и незнакомыми культурными традициями привел к введению жестких ограничений на иммиграцию в страну, квотированию и созданию запретительных барьеров для въезда представителей т.н. «нежелательных» этнических групп. Расистские настроения, направленные ранее в сторону афроамериканцев и коренных индейцев, распространились теперь и на новые для США этнические группы выходцев из стран Европы, Азии и Латинской Америки.

Вопрос об иммиграции на территорию США приобретал остроту далеко не только в расово-этническом плане. Так, с середины 1840-х гг. началось обострение проблемы белой иммиграции: в течение десяти лет в страну прибыли 3 млн переселенцев из Европы, что составляло 15% от всего американского населения. Новые иммигранты (в основном представители бедных слоев населения Ирландии и Германии) резко обострили конкуренцию на рынке труда. Кроме того, в отличие от прежней миграции (преимущественно протестантской и англосакской) новая волна была католической, в связи с чем возникал новый конфликт, в т.ч. религиозно-этнического характера — с 1852 г. набравшее силу антикатолическое и антииммигрантское движение создало имевшую миллионный электорат Американскую партию, которую в 1854—1856 гг. вытеснила Республиканская партия [3. С. 138].

Официальная политика дискриминации этнических меньшинств стимулировалась и усиливалась постоянными акциями, направленными на защиту прав т.н. «настоящих американцев». Появление известного ку-клукс-клана было спровоцировано стремлением белых южан сохранить расовый порядок, существовавший до Гражданской войны, который был временно нарушен послевоенной политической реконструкцией. Позже клан начал направлять свои действия против еврейских иммигрантов и католиков.

Начало форсированного строительства железных дорог после Гражданской войны привело к возрастанию иммиграции из Китая, и поскольку вслед за китайскими рабочими на территорию Штатов устремились и китайские проститутки, в 1875 г. был принят первый закон об ограничении иммиграции, запретивший впускать в страну преступников и проституток. В 1882 г. народные волнения в Калифорнии и других штатах привели к принятию Акта о выселении китайцев, временно приостановившего китайскую иммиграцию. На рубеже XIX—XX вв. возникла проблема и с японской иммиграцией — в 1908 г. президент Теодор Рузвельт заключил с Японией «джентельменское соглашение», по которому Япония обязывалась остановить миграцию своих граждан в США [4. С. 100].

Вопрос этнической принадлежности стал краеугольным камнем построения социальных отношений и формирования американской культурной идентичности с началом массовой иммиграции из стран Южной и Восточной Европы в 1880-х гг., в 1900-х гг. эта волна «захлестнула» Америку, достигнув пика в 1914 г. В 1921 г. конгресс установил «потолок» в 150 000 иммигрантов ежегодно.

История США конца XIX столетия стала свидетельницей самосуда и насилия над представителями расово-этнических меньшинств. В качестве примера достаточно привести упомянутые насильственные акции, направленные против китайской диаспоры в Калифорнии, не говоря уже о печально известных судах Линча. Все это бросало вызов мифу о нации, где все созданы равными.

Критический период американской истории рубежа XIX—XX вв., отмеченный расовыми и антииммигрантскими актами насилия, привел к возникновению идеи, которая с тех пор стала стержнем культурной политики США. Речь идет о т.н. концепции мультикультурализма, или «плавильного котла» («плавильного тигля»). Основа концепции плавильного тигля была выдвинута еще в 1780-х гг. Эктором Сент-Джоном де Кревекером, который утверждал, что «представители всех народов словно сплавляются в новую расу» [4. С. 204—205].

Плавильный котел явился наиболее неоднозначным символом американского общества из всех, которые когда-либо существовали. С одной стороны, он указывает на основную особенность современной американской культуры: на ее внутреннее разнообразие и многоликость, что можно сказать и об американском обществе в целом. Но в то же время этот термин воплощает в себе направляющее течение в истории формирования мультикультурного социума США: отрыв от этнических корней и погружение в огромный унифицирующий мультинациональный плавильный котел.

Существует и другая концепция американской идентичности — концепция томатного супа, фокусирующаяся на культурной ассимиляции и «основанная на допущении, что иммигранты и их потомки адекватно адаптируются к англо-саксонским культурным паттернам» [4. С. 206]. Более точная, нежели остальные модели, концепция прекрасно работала с волнами иммиграции до 1960-х гг.

Стоит заметить, что эти концепции, как и многие другие, стали порождением своего времени и были призваны обслужить определенную политическую доктрину, после чего спрос на них снижался. К тому же, как было отмечено, внутри этнических сообществ историко-культурные традиции сохраняются довольно тщательно и, несмотря на адаптацию и ассимиляцию с доминирующей культурой, «пришлые» культуры до конца не растворяются, являясь своеобразными очагами культурного наследия народов.

В 1915 г. Х. Коллэн разработал концепцию салата, которую назвал теорией «культурного плюрализма» [4. С. 206]. Согласно теории общественные группы объединяются происхождением, а не культурой. В настоящее время среди ученых все больше распространяется мнение, согласно которому современное американское общество и, соответственно, его культура представляет собой, скорее, салат, нежели плавильный котел. Это иллюстрация того, что в сегодняшней Америке различные культуры не плавятся, превращаясь единую унифицированную гомогенную культуру, а, вступая в кросскультурный диалог, сохраняют свои историко-культурные особенности, не синтезируясь друг с другом.

Развитие американской культуры в XX столетии часто обсуждалось в свете анализа таких понятий, как «американский характер», «американский дух», «американская мечта» и т.д. Многие институты, прямо или косвенно занимавшиеся реализацией культурной политики в США, стремились реализовать на практике и популяризировать, в ту пору среди иммигрантов, идею об американском образе жизни. Например, по их мнению, строящиеся многоэтажные жилые дома способствовали «американизации» иммигрантов. В сельской местности проводилась ра-

бота по культурному просвещению на американский манер деревенских жителей. Акцент делался на подготовке иммигрантов к успешной ассимиляции. Меценаты оказывали помощь в открытии музеев, библиотек, формировании музыкальных коллективов и других учреждений в сфере культуры, которые могли бы задать «правильный» вектор процессу «погружения» в доминирующую культуру, что являлось в то время (в конце XIX — начале XX в.) основополагающей тенденцией. В результате противоречие, возникшее между тенденцией к ассимиляции и тенденцией к сохранению культурного разнообразия, привело к возникновению термина «культурная демократия».

Дж. Дракслер стал одним из пионеров в изучении этой проблемы. В своей монографии 1920 г. «Демократия и ассимиляция: смешение иммигрантского наследия в Америке» он выступает за то, что этнические сообщества и отдельные его члены сами вправе решать, в какой степени должно сохраняться их культурное наследие [5]. Дж. Дракслер призывает к культурной демократии, считая ее неотъемлемым дополнением ценностей политической и экономической демократии. Двадцать лет спустя — другой американский ученый У. Дюбуа в своих трудах рассматривал культурную демократию как своего рода обязанность общества, которая необходима для ликвидации расизма в США [6].

Х. Колэн, профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), встревоженный увеличением расистских организаций в 1910-х гг., писал: «Культурное развитие основывается на культурном плюрализме. Культурный плюрализм возможен только в демократическом обществе, чьи институты поощряют индивидуализм в социальных группах, личностях, характерах, чьи установки освобождают личностей и посвящают в братство свободы и сотрудничества. Америка стоит перед альтернативой: «Культур Клуks Клан» или культурный плюрализм» [7. Р. 4]. Такие взгляды на американскую культуру в процессе ее формирования составили противовес позиции реакционно-расистских кругов в США.

Представители промышленно-деловых кругов, такие как Э. Карнеги и Л. Стэнфорд, осуществляли благотворительную деятельность, финансируя создание и развитие новых культурных учреждений и программ, которые могли бы достойно способствовать ознакомлению иммигрантов с доминирующей культурой и осуществлению их ассимиляции с ней.

В начале XX столетия непосредственное влияние общества на культурную жизнь, ее организацию, поддержание и регулирование было достаточно ограниченным. В основном все сводилось к участию общественного сектора в процессе всеобщего образования и организации и управлению рядом публичных библиотек. Все остальные инициативы в сфере культуры были предоставлены частным лицам, имевшим здесь свои интересы.

Преобладание частного сектора в сфере культуры в США, которое сохранилось и по сей день, было юридически закреплено в начале XX в. законом 1917 г., согласно которому лица, осуществлявшие благотворительность, освобождались от уплаты части налогов (на сумму пожертвований). Эта инициатива со стороны американских политиков была направлена на сохранение и стимулирование ак-

тивности частных предпринимателей в области культуры, а также на то, чтобы исключить возможность диктата со стороны государства в сфере культурной политики.

Несмотря на то что сегодня частный сектор остается центральным звеном в осуществлении культурной политики США, американской истории известен период, когда государство играло ключевую роль в реализации этого направления — эпоха федеральных культурных программ «нового курса» Президента Франклина Делано Рузвельта.

Кажется вполне естественным, что первая серьезная попытка сформировать и осуществить комплексную культурную политику в Америке на государственном уровне произошла во время «великой депрессии», когда в обществе возникло опасение полного краха частного сектора в экономике. Программы 1930-х гг. явились едва ли ни единственным в американской истории ярким мероприятием государства в области культурной политики. Федеральные культурные программы «нового курса» представляли интересные модели децентрализованного развития сферы культуры, проектировавшиеся, чтобы отвечать американской мультикультурной среде. Они были направлены на охват как можно большей части населения и затрагивали наиболее актуальные в то время, противоречивые и болезненные вопросы.

Несмотря на активное участие государства в реализации внутренней и внешней культурной политики в этот период, продолжалось усиление взаимодействия правительства с частным сектором, на долю которого уже тогда приходилась организация многих культурно-образовательных программ и обменов.

Вторая мировая война явила собой разделительную черту между культурной деятельностью 1930-х и послевоенным временем. Только один элемент культурной политики тридцатых переключался в новую эпоху. Это т.н. «охота на ведьм». Итак, корни антикоммунистической лихорадки 1950-х гг., которую в американской историографии именуют «эрой Маккарти», кроются в 30-х гг.

«Великая депрессия» способствовала появлению и распространению самых разных политических, экономических и культурных идей радикального толка, многие из которых отразились в культурных программах этого периода, что, в свою очередь, спровоцировало усиление реакции в США.

В период противостояния с Советским Союзом Америка начала активно внедрять в массы представление об «американском образе жизни», «американской мечте», что было частью идеологической пропаганды. Одной из целей стало стремление адаптировать понятие американской мечты к новым социально-политическим реалиям.

Урбанизация в США набирала все большие обороты, развитие пригородов становилось более интенсивным и поднималось на новый уровень, вместе с чем формировалась вся совокупность новых культурных условий среды обитания.

Большой импульс после войны получило развитие американского телевидения и средств массовой информации. Американцы смотрели с надеждой в будущее послевоенного мира, который должен был быть «спроектирован», согласно

их идеологии, по американскому образцу. В этом контексте все наработки в области культурной политики 1930-х гг. были быстро забыты. Америка начинала распространение коммерческой культуры в мировом масштабе, что начало приводить в т.ч. к внутренним социокультурным катаклизмам.

Консерваторы в США и Европе испытывали серьезные опасения в связи с угрозой со стороны американской массовой культуры. «В 1920-х гг. британский писатель Д. Лоуренс обличал американский материализм, ложный морализм и отсутствие исторически сложившегося самосознания. Немец А. Халфельд, со своей стороны, также отрицал американскую цивилизацию за ее бездуховную культуру» [7. Р. 470]. В 1940—50-х гг. европейцы, придерживавшиеся левых взглядов, начали волноваться по поводу проникновения американского влияния, как в сфере политики, так и в искусстве и культуре.

Франкфуртская школа, к примеру, рассматривала США как массовое общество массового потребления с массовой культурой и нивелированными понятиями свободы, демократии и индивидуализма. Новые марксисты критиковали все без исключения элементы западной культуры. По мнению П.Дж. Бьюкенена, «индустрия развлечений полностью поглотила идеологию марксистской культуры и проповедует ее не только впрямую, но и иносказаниями: сильные женщины побеждают слабых мужчин, дети оказываются мудрее родителей, честные прихожане разоблачают вороватых священников, черные аристократы справляются с насилием в районах белой бедноты, гомосексуалистов принимают в лучших домах... Это все сказки — пишет Бьюкенен — извращения реальности, однако масс-медиа делают из сказок быль, превращают их в реальность более явную, нежели мир за окном» [1. С. 122].

«Масс-медиа Америки превратились в осадные орудия в войне культур и в самое надежное средство оболванивания молодых... Для новых марксистов не было цели важнее, чем уничтожение института семьи, которую они рассматривали как типичный пример диктатуры и как инкубатор шовинизма и социальной несправедливости» [1. С. 123]. В результате, по информации Бьюкенена, в современных США традиционные семьи составляют не более четверти от общего числа проживающих вместе людей. Приведенные примеры ярко иллюстрируют «культурные войны» в американском обществе, по объективным причинам сегодня еще более ожесточившиеся.

Однако вернемся к истории вопроса. 1950-е гг. ознаменовали возникновение нового подхода к культурной политике, охарактеризовавшегося двумя основными чертами: узкая заинтересованность в профессиональных учреждениях и акцент на частных лицах в определении направлений и приоритетов.

Смещение акцентов в пользу профессиональных организаций ознаменовало собой разрыв с основными принципами культурной политики 30-х гг. Тогда многие из причастных к реализации культурной политики считали, что демократическое правительство должно преследовать цели, отличные от целей частных предприятий, чтобы оправдать государственные субсидии, направляемые на финансирование этой сферы. Они полагали, что в тех случаях, когда существующие

частные учреждения оказывались не способными служить демократическим культурным ценностям, правительство могло сыграть ключевую роль, стимулируя развитие творческого процесса.

В то же время с середины 50-х гг. XX в. начала четко прослеживаться тенденция взаимосвязи государственных и частных учреждений культуры, происходит все более заметное вмешательство государства в регуляцию культурной жизни. Особенно заметным этот процесс стал в период правления президента Дж. Кеннеди, когда была расширена система органов, осуществляющих культурную политику под контролем как федерального правительства, так и конгресса. Принятие американским государством ранее несвойственных ему функций встретило серьезное сопротивление, но после длительных дебатов в Конгрессе и широкой дискуссии в стране в 1965 г. был все же учрежден Национальный фонд искусств и гуманитарных наук как основной правительственный орган, распределяющий государственные субсидии, вырабатывающий рекомендательные программы в области культуры и участвующий в проведении культурной политики.

Эту тенденцию, ярко проявившуюся в 1960-е гг., можно проследить на примере доклада директора Фонда XX в. О. Хекшера президенту Кеннеди, сделанного в мае 1963 г. (Хекшер был назначен специальным советником по вопросам искусства в марте 1962 г. ввиду необходимости скорейшего появления подобной программы.)

В документе содержались ответы на вопросы о путях плодотворной реализации взаимодействия правительства с частными учреждениями в сфере искусства и культуры, а также об участии государства в культурной жизни страны. О. Хекшер, в частности, отмечает быстрый рост интереса к искусству, проявляющийся в возросшей посещаемости выставок, книжных ярмарок и наличии такого количества культурных учреждений, которое было бы немыслимо еще поколение назад. Кроме того, в докладе озвучены такие мысли, как необходимость осмысления на новом уровне соотношения времени, которое тратят жители США на работу и, соответственно, на отдых. Дело в том, что у граждан стало появляться больше свободного от работы времени, следовательно, приходилось задумываться о развитии сферы культурного досуга и индустрии развлечений в целом.

Другой знаковый момент в документе заключается в констатации того, что важную роль в формировании облика США играет не только их экономическое и политическое могущество, но и «качество» американской цивилизации, уровень развития ее культурной составляющей. Хекшер указывает, что «весь мир смотрит на США» как на сверхдержаву.

Частные филантропические фонды и спонсорские организации, тем не менее, играли ведущую роль в подготовке аргументов для государственной поддержки искусства и культуры. Так, одно из наиболее значимых исследований было осуществлено специальной группой, сформированной Фондом братьев Рокфеллеров. Оно касалось перспектив профессионального исполнительского искусства в США.

В заявлении этой группы, в состав которой входили многие видные деятели культуры и искусства в Америке, прямо указывается на фактор, определивший

еще на достаточно долгий период основные черты государственной культурной политики. Речь идет о фокусировании внимания на качестве культурных ценностей, так или иначе фигурирующих в процессе реализации культурной политики, о недопустимости замены или имитации истинных произведений искусства посредственной продукцией, о невозможности снижения стандартов.

В течение 1970-х гг. культурная политика продолжала осуществляться по большей части в указанном направлении. Расовая проблема в Америке 70-х гг. продолжала оставаться одним из наиболее болезненных моментов и оказывала влияние на реализацию не только культурной политики, но и всей внутренней политики в целом.

В 1980-е гг. при администрации Р. Рейгана приоритетной моделью государственной политики США стал «новый федерализм», означающий тенденцию к децентрализации управления различными сферами деятельности, в том числе и культуры, сужение масштабов вмешательства государства в духовную сферу, перекладывание задач на различные деловые и общественные институты. Децентрализация управления культурной политикой проявилась в предоставлении более широких полномочий в этой сфере местным органам власти. «Новый федерализм» в культурной политике привел значительному усилению и без того крепких позиций частных благотворительных фондов, спонсорских организаций и иных негосударственных институтов.

В 90-е и «нулевые» годы благотворительные организации продолжали играть ведущую роль в процессе реализации культурной политики и оказывать влияние на ее содержание (т.к. в США не существует ведомства, специализирующегося на вопросах культуры и культурной политики, этим занимаются общественные или частные организации и филантропические фонды).

Краткий обзор истории формирования культурной политики США приведен в этой статье с целью подтверждения тезиса о зависимости качества и содержания транслируемых сегодня за рубеж культурных ценностей США от внутренних социокультурных и исторических предпосылок формирования американского общества. Подчас имеет место «мифотворчество», особенно в случаях с болезненными для современного массового сознания американцев сюжетами из истории США, эти странички старательно забываются либо переписываются в русле доминирующей и довлеющей государственной идеологии — словно голливудский фильм, легко искажающий историю до неправдоподобия.

Как позитивные, так и во многом негативные моменты истории государства оказывают воздействие на формирование национального самосознания и психологии, становятся неотъемлемой частью менталитета, находят свое отражение в экспортируемых культурных продуктах. В равной степени внутренние реалии современных США (политические, социальные, финансово-экономические, этнические, конфессиональные и другие) оказывают непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, формирование ее международного имиджа и внешней культурной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. — М.: «Издательство АСТ», 2004.
- [2] *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». — Изд. 2. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- [3] *Согрин В.В.* Политическая история США XVII—XX вв. — М.: Весь мир, 2001.
- [4] *Хантингтон С.* Кто мы? — М.: «АСТ», 2004.
- [5] *Adams D., Goldbard A.* Cultural Policy in U.S. History. URL: www.wvcd.org
- [6] *Cummings M.C. Jr.* Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. — Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003. URL: www.culturalpolicy.org
- [7] *Gienow-Hecht J.* Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War — A Critical Review // *Diplomatic History*. — Vol. 24. — № 3. — Summer 2000.

ORIGINS OF U.S. CULTURAL POLICY FORMATION

G.Yu. Filimonov

The Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukha-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The history of U.S. domestic cultural policy has a direct impact on the formation of the national mentality and the specifics of internal social relations in the USA nowadays while continuing to define certain features of domestic and foreign policy. Internal cultural presuppositions determine the content of values transmitted abroad.

Key words: USA, history, cultural policy, American culture, national identity.